

Пять тысяч золотых? Золота! Да я бы над серебром рыдал от жалости, а этот мерзавец Бу Фэнчэнь без тени сомнения выкладывает пять тысяч золотых ланей за уродку, похожую на лесное чудище! Еще пару дней назад я выпрашивал у него хоть немного денег, и этот скупердяй со скрипом выделил мне несчастную тысячу. А тут — раз! — и расстаётся с пятью тысячами, даже глазом не моргнув.

Мне было не по себе, чертовски не по себе. Грудь так и сдавило от глухой, удушливой злости.

— Ты совсем с ума сошел?! — прошипел я сквозь зубы, перехватив из рук Сусу сухое полотенце.

Вытирая пролитый чай, я едва сдерживал дикое желание выплеснуть остатки заварки прямо на Бу Фэнчэня.

"Пять тысяч золотых! Чем покупать эту страхолюдину, лучше бы мне их отдал! Но нет, этот паршивец скорее спустит целое состояние на бабу, чем поделится со мной. И что это вообще значит? Неужели я, Чоу Тяньгэ, уступаю этой бледной как поганка девке?!"

Бу Фэнчэнь скользнул по мне смеющимся взглядом и вполголоса ответил:

— Ну а что поделать? Плоть слаба, желания терзают, а деваться некуда. Сам ты ко мне в объятия не спешишь, вот и приходится искать кого-то более покладистого и приятного глазу.

"Спокойно. Не злись. Только без глупостей. Не смей плескать в него кипятком, не смей бить его по лицу, не смей пинать этого негодяя между ног... Терпи, Чоу Тяньгэ, терпи."

"Где твоя былая выдержка? Где хладнокровие? Не позволяй Бу Фэнчэню так легко выводить тебя из себя. Пусть этот ублюдок творит что хочет, тебе-то какое дело? Вы чужие люди."

— Ха-ха... Ну надо же, — выдавил я сухой, ледяной смешок и отвернулся.

Пальцы мертвой хваткой вцепились в платок Сусу. Ладно, к черту его. Стоит ли портить себе кровь из-за какого-то Бу Фэнчэня? Сегодня у меня есть дела поважнее. Еще пара лотов, и на торги выставят Нефритовую подвеску Циляня.

"Что, Бу Фэнчэнь, карманы от золота ломятся? Сам ведь велел ни в чем себе не отказывать и поднимать цену. Ну отлично. Смотри только потом локти не кусай от жалости."

— Пять тысяч золотых?! — у девицы Сяо Цао даже голос сорвался.

Она явно не ожидала столь безумного предложения. Какой бы красавицей ни была эта чужеземка, красная цена ей в базарный день — пять тысяч серебряных монет. Но этот

таинственный гость с ходу выложил пять тысяч золотом! А ведь золото ценилось вдесятеро дороже серебра. Неслыханное расточительство!

В огромном зале воцарилась гробовая тишина. Присутствующие ошалело переглядывались, подавленные столь безрассудной щедростью. По рядам поползли шепотки: каждый пытался угадать, что за таинственные богачи заглянули на торги. Слухи не враз — эти двое сорили золотом так, словно оно росло на деревьях.

— Продано! — торопливо выкрикнула Сяо Цао, заметив одобрителный кивок из-за кулис и боясь, как бы сумасшедший покупатель не передумал.

Когда над залом прозвучало это слово, у меня непроизвольно дрогнули пальцы.

Помнится, в прошлом году общий доход всей казны составил около трехсот миллионов ланей серебра. После всех вычетов и государственных расходов чистый остаток едва превысил тридцать миллионов — а в пересчете на золото это какие-то три миллиона. И это считалось на редкость удачным годом.

В последнее время на границах зашевелились соседние государства, из-за чего военные расходы росли как на дрожжах. Если бы империя не обладала столь прочным фундаментом и ломящимися от богатств закромами, у императора Бай Хэ вряд ли нашлось бы время прохлаждаться в Речном городе и разыгрывать этот фарс с искоренением мятежников.

— Поздравляю господина с великолепным приобретением! — девица Сяо Цао расплылась в улыбке, которая затмила бы весенние пионы.

Еще бы, ведь от этой баснословной суммы ей причитался немалый процент. Теперь белокурый незнакомец казался ей самым желанным и благородным гостем на свете.

"Господин? Тоже мне, сыскался юноша благородный... Седой как лунь, а все туда же. Старый хрыч, чудовище недобитое", — злобно ворчал я про себя, демонстративно прихлебывая чай и покачивая здоровой ногой, закинутой на покалеченную.

— Поговаривают, владельцы трактира «Двое влюбленных» богаты настолько, что могут потягаться с целыми государствами. Сегодня мы все убедились, что молва не врет. Добро пожаловать в Речной город, благородные господа. Позвольте узнать, как вас величать? — сладко пропела Сяо Цао со сцены.

Пленницу увели за кулисы. Официальная передача "товара" и проверка золота должны были состояться после окончания торгов, когда уполномоченные писцы составят и подпишут купчую.

— Вы преувеличиваете, прелестница, — небрежно отозвался Бу Фэнчэнь. — Просто нашему

скромному заведению не хватало красивого цветка для украшения.

Я мысленно сплюнул. Золотой цветок, ничего не скажешь. Разориться можно.

Бу Фэнчэнь вдруг скользнул по мне лукавым взглядом. Мое сердце екнуло. Не к добру это. В этой голове, вечно прикидывающейся сосудом добродетели, явно зрел очередной коварный план.

— Мое имя — Бу Фэнчэнь, — с самым невозмутимым видом изрек он. — А этот прекрасный господин подле меня — любовь всей моей жизни.

— Кха-кха! Кха!

Видит небо, мне вообще противопоказано пить чай, когда этот человек открывает рот. В прошлый раз я его выплюнул, теперь же едва не задохнулся насмерть.

Это было уже выше моих сил! Не успел затихнуть его вкрадчивый голос, как я выплеснул остатки чая прямо ему в лицо. Но этот мерзавец среагировал мгновенно: выхватив веер из рук стоявшего рядом Тунтуна, он изящным движением раскрыл его, преграждая путь брызгам. Вся лавина кипятка с тихим шипением ушла на пол, а сам Бу Фэнчэнь остался сухим и невредимым. Движения его были легкими и безупречными, словно отрепетированный танец.

— Ерунда какая-то! — процедил я, одарив его свирепым взглядом.

Надо же, даже от летящих брызг умудрился увернуться с фатовским шиком. Ложная добродетель и Ложный святой — оба стоят друг друга, одной ниткой сшиты, и спорить, кто из них хуже, бессмысленно.

Поняв, что прилюдно теряю самообладание, я шумно выдохнул и опустился обратно в кресло, стараясь унять дрожь негодования. Со всех сторон на нас уже косились любопытные посетители. В наши дни союзом двух мужчин никого не удивишь, но заявлять об этом во всеуслышание перед толпой решались единицы.

Глядя на то, как довольно щурится Бу Фэнчэнь, сдерживая ехидный смешок, я окончательно укрепился в своей догадке: эта Ложная добродетель просто измывается надо мной. Какая же мерзкая натура!

Торги шли своим чередом, но я уже мысленно сгорал от стыда. Можно было не сомневаться: к завтрашнему утру весь Речной город будет судачить о том, что хозяева трактира «Двое влюбленных» сожительствоуют друг с другом.

Решив больше не тратить нервы на этого шута, я принялся внимательно осматривать зал. По моим расчетам, Лао Сы просто обязан был явиться на аукцион. Вот только этот паршивец

никогда не обходился без маскировки — кто знает, чью личину он нацепил на себя на этот раз?

— Тысяча ланей! — выкрикнул кто-то из толпы.

Голоса покупателей перекрывали друг друга. Третий лот — кувшин столетнего вина «Дочь Востока» — ушел к изнеженному молодому человеку с бледным лицом и алыми губами. Он походил на ученого мужа, но в острых лисьих глазах светился недюжинный, хищный ум. Этот женоподобный щеголь вальяжно полулежал, опершись на плечо невероятно крупной, мужеподобной бабищи. Зрелище было до крайности нелепым.

"Вот ведь идиот Лао Сы... Действительно притащился", — мысленно покачал головой я. Да еще и прихватил с собой Лао Цзю — эту громилу в юбке. И как я раньше не замечал, насколько гармонично смотрится эта парочка: один — ни дать ни взять девица, вторая — вылитый мужик.

Глядя на них, я разрывался между глухим раздражением и невольной теплотой. Какими же надо быть глупцами, чтобы, зная о смертельной западне, все равно лезть на рожон? Но в груди против воли затеплилась щемящая нежность. Чоу Тяньгэ мертв и похоронен. Зачем им эта нефритовая побрякушка? Даже если они добудут ее, мертвеца из могилы не поднимешь. Чоу Тяньгэ больше не вернется в мир живых.

"Да даже если бы я и воскрес, то не стал бы вас благодарить. Сказал бы только, что вы безмозглые олухи, обделенные даже каплей хитрости. Зря я когда-то приблизил вас к себе."

Я искренне не понимал этого.

Зачем идти на верную гибель ради призрака прошлого? Круглые дураки.

— А теперь взгляните на пятый лот нашего сегодняшнего аукциона, — девица Сяо Цао указала на изящную резную шкатулку, внутри которой на красном шелке покоилась Нефритовая подвеска Цилиня. — Божественный зверь Цилинь — символ процветания и великого благословения. Сам нефрит чистейшей воды, теплый и мягкий на ощупь, олицетворяет высшую добродетель. Тончайшая работа мастера говорит сама за себя. Но эта вещь ценна не только своим исполнением. Полугодием ранее она принадлежала Князю демонов, нашедшему свою смерть в бездонной пропасти Речного города. Вопрос лишь в том, найдется ли среди вас храбрец, готовый забрать себе это проклятое сокровище?

"Проклятое сокровище?" — я едва удержался от злой усмешки. Похоже, теперь даже само имя Чоу Тяньгэ превратилось в запретное табу, которое боятся произносить вслух.

Наверное, для этой империи я и впрямь был предвестником бед. И никого больше не заботило, сколько сражений я выиграл под ее знаменами, сколько шрамов покрывало мое тело и сколько сил я отдал ради ее процветания. Для здешних летописцев я остался лишь грязным пятном на страницах истории.

А все потому, что моя кровь была нечистой. И фамилия у меня была не Бай.

Эта земля принадлежит роду Бай. На ней никогда не было места безродному бродяге по фамилии Чоу.

Пальцы, лежавшие на колене, сжались в кулак, но я заставил себя расслабиться. Я ведь собирался тихо доживать свои дни, ни во что не вмешиваясь, но судьба-злодейка снова тянула меня в омут. Оставь я Лао Сы и Лао Цзю без присмотра — и эти дуралеи сложат здесь головы.

"Ладно уж. Столько лет верой и правдой служили мне. Заберу я эту подвеску назад, а расплатится пускай Бу Фэнчэнь — у него карманы все равно бездонные."

Несмотря на дурную славу вещицы, в зале то тут, то там начали выкрикивать цены. Лао Сы и Лао Цзю молчали, выжидая идеальный момент для удара. Но я не собирался давать им возможность раскрыть себя.

Где-то под этими сводами наверняка прятался и сам император Бай Хэ. Жаждал лично довести начатое до конца, выкосить остатки моих верных слуг... Что ж, правитель из него получился отменный — расчетливый и беспощадный. А вот возлюбленный — никудышный.

Все нити между нами порваны. Былая любовь рассыпалась в прах.

— Пятьдесят тысяч серебром, — ровным голосом произнес я.

Для "проклятой" безделушки это были безумные деньги. Ни один здравомыслящий купец не стал бы платить столько за вещь, приносящую несчастья. Эта сумма разом отсекала всех конкурентов, включая Лао Сы и Лао Цзю.

Бу Фэнчэнь слегка прищурился и искоса глянул на меня.

— Шестьдесят тысяч! — внезапно раздалось сверху, не успел еще затихнуть мой голос.

Я удивленно вскинул брови. Шаг исходил из отдельной ложи на втором ярусе, и это точно были не мои старые слуги. Неужели Бай Хэ решил развлечься и взвинтить цену? Нет, манера речи была иной. Голос казался смутно знакомым, но к чиновникам или императорской свите он точно не имел отношения.

Кто же этот таинственный покупатель, так страстно желающий заполучить мою подвеску? Как ни пытался, я не мог вспомнить, кому принадлежит этот голос.

— Восемьдесят тысяч! — тут же выкрикнул тот же незнакомец. В его тоне звенела непоколебимая решимость забрать лот любой ценой.

Восемьдесят тысяч за обычный нефрит? Сумасшедший.

Я недовольно поморщился. Тратить чужие деньги всегда приятно, но я понятия не имел, насколько глубок кошелек моего спутника. Одно дело — бросаться красивыми цифрами, и совсем другое — сесть в лужу, когда придет время платить.

"А, ладно. Если небо рухнет — Бу Фэнчэнь подставит спину. Мне-то чего переживать?"

Я уже набрал в грудь воздуха, чтобы выкрикнуть "сто тысяч", как вдруг сидевший рядом Бу Фэнчэнь лениво произнес:

— Восемьсот тысяч.

Зал дружно выдохнул. Десятки людей повторили мой недавний подвиг: кто-то поперхнулся, кто-то фонтаном выплюнул чай прямо на соседей, не в силах сдержать крайнее потрясение.

В следующее мгновение аукцион утонул в раскатистом кашле, фыркание и плеске пролитой воды. Какое редкое, захватывающее зрелище!

<http://bllate.org/book/18233/1765210>